

Ю.В. Лебедев

Конфликт и расстановка действующих лиц в «Грозе»

«Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид» — такой ремаркой Островский открывает «Грозу». Как Москва в его представлении не замыкается Камер-Коллежским валом, так и Калинов не ограничивается общественным садом. Внутреннее пространство сцены обставлено скупой: «две скамейки и несколько кустов» на гладкой высоте. Действие русской трагедии возносится над волжской ширью, распаивается на всероссийский сельский простор, ему сразу же придается общенациональный масштаб, поэтическая окрыленность: «Не может укрыться град, в веру горы стоя».

В устах Кулигина звучит песня «Среди долины ровныя» — эпитафия, поэтическое зерно «Грозы». Это песня о трагичности добра и красоты: чем богаче духовно, чем высокогорнее нравственно человек, тем меньше у него внешних опор, тем драматичнее его существование.

В песне, которая у зрителя буквально на слуху, уже предвосхищается судьба героини с ее человеческой неприкаянностью:

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?,

с ее тщетными стремлениями найти поддержку и опору в окружающем мире:

Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться?

Песня с первых страниц входит в «Грозу» и сразу же выносит факты и характеры трагедии на общенародный песенный простор. За судьбой Катерины — судьба героини народной песни, непокорной молодой снохи, отданной за немилого «чуж-чуженина» в «чужедальную сторонушку», что «не сахаром посыпана, не медом полита». Сгущая общенациональное содержание, Островский прибегает к поэтической условности, убирает излишние социально-бытовые мотивировки. Отсутствие их в «Грозе» нередко ставили в упрек драматургу. «Почему родные, так по-видимому любившие Катерину, выдали ее в семью Кабановых?» — спрашивал, например, А. Незеленов и утверждал: «Поэт, к сожалению, оставил все это в драме неясным». Сожаление напрасное: перед нами поэтический прием, типичный для народной песни. Характеры героев «Грозы», не теряя своей социальной окрашенности, поднимаются на необходимую в трагедии общенародную поэтическую волну.

Песенная основа ощутима не только в характерах Катерины, Кудряша и Варвары. Речь всех персонажей «Грозы» эстетически приподнята, очищена от купеческого жаргона, от бытовой приземленности языка «Своих людей...» или трилогии о Бальзаминове. Даже в брани Дикого: «Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом», «Что ты, татарин, что ли?» — слышится комически сниженный отзвук русского богатырства, борьбы с «неверными», «латинцами» или татарами. В бытовой тип купца-самодура вплетаются иронически обыгранные Островским общенациональные мотивы. То же и с Кабановой: сквозь облик суровой и деспотичной купчихи проглядывает национальный тип злой, сварливой свекрови. Поэтична фигура механика-самоучки Кулигина, органически усвоившего просветительскую культуру XVIII века от Ломоносова до Державина.

В «Грозе» жизнь схватывается в остро конфликтных моментах, герои находятся под высоким поэтическим напряжением, чувства и страсти достигают максимального накала, читатель и зритель проникаются ощущением чрезмерной полноты жизни. Вспоминается тютчевское: «Жизни некий преизбыток в знойном воздухе разлит». «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет

я каждый день гляжу на Волгу и все наглядеться не могу», — в захлебывающихся от восторга словах Кулигина настораживает туго натянутая поэтическая струна. Еще мгновение — и, кажется, не выдержит его душа опьяняющей красоты бытия.

Люди «Грозы» живут в особом состоянии мира — кризисном, катастрофическом. Лопнули пружины, сдерживающие старый порядок, и взбудораженный быт заходит ходуном. Первое действие вводит нас в предгрозовую атмосферу жизни. Внешне пока все обстоит благополучно, но сдерживающие силы слишком непрочны: их временное торжество лишь усиливает напряженность. Она сгущается к концу первого действия; даже природа, как в песне, откликается на это надвигающейся на Калинов грозой.

В поведении всех героев «Грозы» есть некий «безудерж»: чрезмерность отрицания одних сторон бытия порождает чрезмерность утверждения других. В кулигинском культе красоты есть сила и энергия, но это красота, отделенная от жизненной прозы и подчеркнута противопоставленная ей. Тут, в Калинове, — темнота и невежество, там, в божьем мире, — красота и гармония. Воспаряя над калиновским царством, просветитель Кулигин теряет духовную власть над ним. В его обличениях много горькой правды, но мало жизненной полноты и действенной силы: «Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достаётся; да не могу, люблю разговор рассыпать!» Кулигинская просвещенность и связанная с нею нравственная щепетильность («С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть») на деле превращаются в попустительство, в оправдание собственной робости и смирения (при встречах с Диким Кулигин один учтиво снимает шапку).

Кудряш равнодушен к восторгам Кулигина не только вследствие типично народного недоверия к чрезмерным эмоциональным излияниям. Волжская вольница, волжское раздолье — часть собственной его души, естественная и нераздельная. Подняться над нею Кудряш не может, в этом и слабость его и его сила. Самодур Дикой для Кулигина грозен и неуправляем, а для калиновского «лихача-кудрявича» Дикой всего лишь «озорник»: «Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею». Кудряш «слов рассыпать» не любит да и не умеет. Но он готов при случае «выучить» Дикого делом: «Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался... Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет... Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!»

Для Кулигина с его отвлеченно-просветительских позиций столпы города Дикой и Кабаниха — одна статья. Калиновский мир в его описании «жесточких нравов» одноцветен. А вот близкий к этому миру Кудряш чувствует глубокое различие между Диким и Кабановой. Оба самодуры, но один, по меткой характеристике Кудряша, «как с цепи сорвался», а другая «по крайности все под видом благочестия».

В некоторых сценических и литературоведческих интерпретациях Кабаниха предстает ревностным хранителем патриархальной старины. Но это заблуждение. Кабаниха — человек кризисной эпохи, как и другие герои трагедии. Это односторонний ревнитель худших сторон старого мира и, вследствие своей односторонности, — самодур. Полагая, что везде и во всем Кабаниха блюдет правила «Домостроя», что она рыцарски верна формальным регламентациям этого древнего кодекса нравственной культуры, мы поддаемся обману, внушаемому силой ее характера. На деле она легко отступает не только от духа, но и от буквы домостроевских предписаний.

«Обидим не мсти, хулим моли; зла за зло не воздавай, ни клеветы за клевету; согрешающая не осуждай, вспомяни свои грехи и о тех крепко пекися; злых мужей совета отвращайся; буди ревнитель правоживущим и тех деяния написуи в сердце своем и сам тако же твори», —

гласит старый нравственный закон. «Врагам-то прощать надо, сударь!» — увещевает Тихона Кулигин. А что он слышит в ответ? «Поди-ка поговори с маменькой, что она тебе на это скажет». Деталь многозначительная! Кабаниха страшна не патриархальностью своей, а самодурством, скрытым под маской закона. Старая нравственность подвергается здесь полной ревизии: из нее извлекаются формы наиболее жесткие, не выдержавшие

испытания временем, оправдывающие необузданный деспотизм.

Своеволие Дикого в отличие от самодурства Кабанихи уже ни на чем не укреплено, никакими правилами не оправдано. Нравственные устои в его душе основательно расшатаны. Этот «воин» сам себе не рад, жертва собственного своеволия. Он самый богатый и знатный человек в городе. Капитал развязывает ему руки, дает возможность беспрепятственно куражиться над бедными и материально зависимыми от него людьми. Чем более Дикой богатеет, тем бесцеремоннее он становится. «Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь? – заявляет он Кулигину. – Так знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю». Тетка Бориса, оставляя завещание, в согласии с патриархальным обычаем поставила главным условием получения наследства почтительность племянника к дядюшке. Пока законы обычного права стояли незыблемо, все было в пользу Бориса. Но устои пошатнулись, появилась возможность вертеть законом так и сяк, по народной поговорке: «Закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло». «Что ж делать-то, сударь! – говорит Кулигин Борису. – Надо стараться угождать как-нибудь». «Кто ж ему угодит, – резонно возражает знающий душу Дикого Кудряш, – коли у него вся жизнь основана на ругательстве?.. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?»

Но сильный материально, Савел Прокофьевич Дикой слаб духовно. Он может иногда и спасовать перед тем, кто в законе сильнее его, потому что тусклый свет нравственной истины все же мерцает в его душе: «О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка; за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся... при всех ему кланялся».

Конечно, это «прозрение» Дикого — всего лишь каприз сродни его самодурским причудам. Это не покаяние Катерины, рожденное чувством вины и мучительными нравственными терзаниями. И все же в поведении Дикого этот поступок кое-что проясняет. Достоевский писал:

«Наш народ, хоть и обьят развратом, а теперь даже больше чем когда-либо, но никогда еще... даже самый подлец в народе не говорил: "Так и надо делать, как я делаю", а, напротив, всегда верил и воздыхал, что делает он скверно, а что есть нечто гораздо лучшее, чем он и дела его».

Дикой своевольничает с тайным сознанием незаконности своих действий, он чувствует, что «от своего безумья страждет, что жизнь его — «от бога грех, а от людей посмех». Ведь «Домострой» учил «всякого неправедного стяжания не желати», «никого ни в чем не обижати». «И за добрую покупку и торговлю... торгового человека пригоже подчивать и добрым словом привечати и ласковым приветом». Только таким купцам «от бога греха нет, а от людей остуды, а от гостей похвала во всех землях». Перед нами герой, порочность которого, говоря словами П. Анненкова, «имеет все признаки нравственной распущенности, грубости и невежества», но «лишена средств окрепнуть до ясного, положительного злодейства». И потому Дикой пасует перед властью человека, опирающегося на закон, или перед волею сильной личности, дерзко сокрушающей его авторитет. Его невозможно «просветить», но можно «прекратить». Марфе Игнатьевне Кабановой это, например, удастся легко: она, равно как и Кудряш, прекрасно видит корень внутренней слабости самодурства Дикого: «А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что». В глазах Кабанихи Дикой — Аника-воин!

Почему же неуправляем Дикой для Бориса и Кулигина, почему эти просвещенные и умные люди бессильны перед произволом самодура-купца? Конечно, немаловажную роль тут играют бесправие того и другого. Вспомним кулигинское: «Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю». Но у Кудряша миллиона нет, а тем не менее Дикого он «прекращает», да и Кабаниха «разговаривает» его

отнюдь не миллионами.

Мудрый Островский обнажает в «Грозе» коренную слабость просветительского мышления, здесь есть скрытая полемика с некоторыми положениями статьи Добролюбова «Темное царство». Известно, что эта статья пришлась драматургу по сердцу, многое совпало в ней с его собственными размышлениями («это будто я сам написал»), многое заставило взглянуть на жизнь под иным углом зрения, но кое-что не могло не насторожить. Добролюбов был глубоко убежден, что самодура легко «прекратить» силою рассудительного, просвещенного ума, что самодур мгновенно сует перед логически строгими убеждениями:

«Самодур также почти не имеет истинных нравственных понятий и, следовательно, не может правильно различать добро и зло и по необходимости должен руководствоваться произволом». И потому «не бойтесь вступать в серьезный и решительный спор с самодурами. Из ста случаев в девяноста девяти вы возьмете верх, только решитесь заранее: что вы на полуслове не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы от того угрожала вам действительная опасность — потерять место или лишиться каких-нибудь милостей. Первая ваша попытка заикнуться о вашем мнении будет предупреждена возвышением голоса самодура; но вы все-таки возражайте. Возражение ваше будет встречено бранью или выговором... Но вы не смущайтесь: возвышайте ваш голос наравне с голосом самодура, усиливайте ваши выражения соразмерно с его речью, принимайте более и более решительный тон, смотря по степени его раздражения. Если разговор прекратился, возобновляйте его на другой и на третий день, не возвращаясь назад, а начиная с того, на чем остановились вчера, — и будьте уверены, что ваше дело выиграно. Самодур возненавидит вас, но еще более испугается».

Сцена решительного разговора Кулигина с Диким сделана буквально по рецепту Добролюбова. Просвещенный человек не отступает, пытаясь внушить Дикому правильные понятия о пользе солнечных часов и спасительной силе громоотводов. Кулигин настойчив и смел, его рассуждения, с точки зрения образованного человека, здравы и убедительны. Но они вызывают сокрушительную брань и решительную неуступчивость Дикого, как только речь заходит о... грозе! Причем в брани этой Дикой как бы и не самодурствует: он опирается здесь на авторитет нравственного закона: «Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? говори! Татарин?»

У Дикого не простой сумбур в голове, как казалось Добролюбову. В нем еще живет народная культура, тысячелетняя мифология, перед которой язык логического ума бессилен. Дикой не случайно обращается здесь за поддержкой к миру, к народной толпе: «Эй, почтенные! прислушайте-ка, что он говорит!» Народное сознание — не сброд суеверий, не «темнота разума», а стройная, освященная нравственным светом космогония, все элементы которой органически связаны друг с другом. Гроза для калиновцев, и для Катерины в их числе, — не глупый страх, а напоминание человеку об ответственности перед высшими силами добра и правды. Просветитель Кулигин этот этический смысл не берет в расчет, а потому его пропаганда воспринимается калиновским сознанием как бунт чудака-анархиста, «антика» и «химика» против непреложных нравственных истин. Ведь природа в народной поэтической мифологии — необходимый элемент не только эстетического, но и нравственного миропорядка.

Были попытки в литературоведении и на сцене театра представить «лучом света в темном царстве» Кулигина, попытки, как правило, неудачные. В Кулигине Островский показал не только сильные, но и слабые стороны русского просветительства, пытавшегося, говоря словами одного из героев Достоевского, «с одной логикой через натуру перескочить», стремившегося создать рациональную культуру на основе естественно-научных знаний без достаточных опор на культуру народную. Очевидно, «Гроза» оказала некоторое влияние на мировоззрение Добролюбова. Ведь именно в статье «Луч света в темном царстве» критик пришел к переоценке некоторых просветительских иллюзий.

Мир темного царства более сложен и многоцветен, чем это кажется Борису и Кулигину. Он еще не растратил полностью душевную открытость и простодушие, доставшиеся ему в наследство. Здесь никто не склонен к тайным интригам, добро и зло не прячутся, не маскируются, все центральные события трагедии свершаются «на миру». Всенародно валяется в грязи кающийся в грехах Дикой, всенародно принимает он позор и посмеяние от проезжего гусара («Смеху-то было», – вспоминает об этом Кудряш). Несмотря на высокие заборы и крепкие засовы все, что творится в семейном мире калиновцев, немедленно становится общим достоянием. Не только покаяние Катерины это подтверждает: оно лишь наиболее последовательно реализует те душевные порывы, которые пробиваются в поведении других действующих лиц. Тихон, например, с завидной откровенностью рассказывает Кулигину о семейной драме, не упуская ни малейших подробностей и не смущаясь опасностью показаться смешным: «Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится».

Есть в этой бесхитрости освежающий и ободряющий момент. Что и говорить, «жестоки нравы в городе Калинове». Но Кулигин все-таки сгущает краски, когда говорит о невидимых и неслышимых слезах за калиновскими домашними затворами. Купеческие семейства, вопреки желанию устроить жизнь «шито да крыто», волей-неволей тащат на всеобщий позор свои семейные неурядицы и конфликты. Вопреки буржуазным стремлениям к обособлению и двоедушию, не утратил еще пока Калинов свою связь с народной культурой. Эта связь подвергается в «Грозе» трагическим испытаниям, но полностью она еще не порвалась. В среде купечества еще возможно появление открытого, цельного характера Катерины с ее искренним признанием: «Обманывать-то я не умею; скрыть-то ничего не могу». Дух «мира» еще веет над темными водами калиновского царства, выходя из недр его и собираясь отлететь. Высшей носительницей этой «отлетающей» демократической культуры является Катерина, на глазах теряющая в этом царстве опоры, тщетно ждущая от него сначала достойного признания, а потом достойного наказания. Ее смерть — осуждение мира, загубившего свой цвет, свою красоту, свою мудрость, общинный склад и лад народной души.

Против «отцов» города восстают в «Грозе» молодые силы жизни. Это Тихон и Варвара, Кудряш и Катерина, замыкающая галерею «детей». Бедою Тихона являются рожденные темным царством безволие и страх перед маменькой. По существу, он не разделяет ее деспотических притязаний и ни в чем ей не верит. В глубине души Тихона свернулся комочком добрый и великодушный человек, любящий Катерину, способный простить ей любую обиду. Он старается поддержать жену в момент покаяния, даже хочет обнять ее. Тихон гораздо тоньше и нравственно пронизательнее Бориса, который в этот момент, руководствуясь слабодушным «шито-крыто», «выходит из толпы и раскланивается с Кабановым», усугубляя тем самым страдания Катерины. Но человечность Тихона слишком робка и бездейственна. Только в финале трагедии пробуждается в нем что-то похожее на протест: «Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы...» От гнетущего давления самодурства Тихон увертывается временами, но и в этих увертках нет ни грана свободы и воли. Разгул да пьянство сродни самозабвению. Как верно замечает Катерина, «и на воле-то он словно связанный».

Варвара — прямая противоположность Тихону. В ней есть и воля, и смелость. Но Варвара — дитя Диких и Кабановых, не свободное от бездуховности «отцов». Она почти лишена чувства ответственности за свои поступки, ей попросту непонятны нравственные терзания Катерины. «А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было» — вот нехитрый жизненный кодекс Варвары, оправдывающий любой обман.

Гораздо выше и нравственно одареннее Варвары Ваня Кудряш. В нем сильнее, чем в ком-либо из героев «Грозы», исключая, разумеется, Катерину, торжествует народное начало. Это песенная натура, одаренная и талантливая, разудалая и бесшабашная внешне, но добрая и чуткая в глубине. Тем не менее и Кудряш сживается с калиновскими нравами,

его натура вольна, но подчас своевольна. Миру темного царства Кудряш противостоит своей удалью, озорством, но не нравственной силой.

Итак, в темном царстве Островский видит мир, обособляющийся от эпического целого народной жизни. В нем душно и тесно, внутренняя перенапряженность, катастрофичность жизни ощущается здесь на каждом шагу. Но калиновский мирок еще не замкнут наглухо от широких народных сил и стихий жизни. Живая жизнь с заволжских лугов приносит в Калинов запахи цветов, напоминает о сельском приволье. К этой встречной волне освежающего простора тянется Катерина, пытаясь поднять руки и полететь. Лишь Катерине дано в «Грозе» удержать всю полноту жизнеспособных начал в культуре народной и сохранить чувство нравственной ответственности перед лицом тех испытаний, каким эта культура подвергается в Калинове.